

† Профессиональное кредо

О ЧЕМ ОН МЕЧТАЛ (Интервью Ю.М. Резника с проф. В.П. Култыгиным, осень 1999 г.)

Аннотация: Уважаемые коллеги! Продолжаем публикацию интервью с В.П. Култыгиным. Заканчивался 1999 г. Тема интервью, публикуемого в данном выпуске, строго не определена. Беседа шла о судьбе отечественной социальной науки, о научной преемственности и личном выборе. Интервью проходило в стенах

Московской государственной академии легкой промышленности, на базе которой весной 1998 г. был создан Институт социальной инженерии, объединивший со временем социально-гуманитарные специальности (социология, социальная антропология, психология и менеджмент). Мне, как одному из создателей и первых директоров этого института приходилось предпринимать невероятные усилия, чтобы открыть новые гуманитарные специальности, создать команду преподавателей и поддерживать научную атмосферу в новом учебном подразделении технического вуза. Кроме профильных кафедр был организован студенческий научный клуб, на заседания которого приглашались ведущие социальные ученые г. Москвы. Студенты Института социальной инженерии участвовали в подготовке вопросов интервью с ними.

Одним из первых на заседании клуба выступил Владимир Павлович Култыгин. Я благодарен ему за помощь и поддержку, которую он оказывал на протяжении нашей совместной работы в институте. Сегодня в институте социальной инженерии Московского государственного университета дизайна и технологии другие руководители и научные имена. И боюсь, что нынешние студенты уже не знают тех, кто стоял у истоков Института социальной инженерии в 1998–2001 гг. Хочу напомнить нашим коллегам имена этих людей. Это – профессора Владимир Павлович Култыгин, Вячеслав Вячеславович Щербина, Павел Семенович Гуревич, Эльна Александровна Орлова, доцент Наталия Кирилловна Иконникова и другие преподаватели. Некоторых из тех, кто внес свой вклад в развитие образовательных программ института, уже нет в живых, в т.ч. Владимира Павловича Култыгина, Владимира Семеновича Барулина, Наталии Никитичны Козловой, Рудольфа Григорьевича Яновского. Но остались добрая память о них, их дела и ученики. К сожалению, на сайте университета нет ни слова о тех, кто стоял у истоков создания Института социальной инженерии. А ведь эти люди дали импульс для становления социально-гуманитарного образования в университете. Надеюсь, что когда-нибудь руководство Московского государственного университета дизайна и тех-

* Окончание. Первую часть интервью смотрите в предыдущем выпуске нашего журнала. См.: Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып. 2 (63–64). С. 277–288.

нологии вспомнит об этом и восстановит белые пятна в истории своего подразделения — Института социальной инженерии.

Но вернусь к предмету нашего разговора с Владимиром Павловичем Култыгиным. Тогда, в конце 1990-х годов мы обсуждали вопросы о судьбе отечественной социальной науки. Нас волновала также проблема преемственности в научном сообществе. И ответы Владимира Павловича были обращены к молодым исследователям. Он любил научную молодежь и помогал ей всем, чем мог.

Ключевые слова: социология, социальная антропология, научная классика, преемственность в науке, научное призвание, научные традиции, Россия, политический выбор.

Ю.М. Резник

Юрий Михайлович Резник: Владимир Павлович! Продолжим наш разговор [1]. Что Вы можете сказать о молодом поколении в науке?

Владимир Павлович Култыгин: Я всегда готов, так сказать, помогать талантливым людям и помогаю им. Я горжусь тем, что у меня есть ученик, который в 29 лет защитил докторскую диссертацию по социологии, а в 30 лет стал профессором. Есть люди, Юрий Михайлович, которые подобно мне понимают, как важно помогать лучшим представителям нынешнего поколения и готовить почву для наших потомков. Им действительно надо помогать, чтобы мы смогли сохранить преемственность и были достойны того потенциала, который есть у нашей страны.

Здесь присутствуют наши студенты. И я жду от них серьезных теоретических размышлений. Конечно, у вас, уважаемые студенты, сегодня много соблазнов. Вас подвергают манипуляциям, в т.ч. притупляют вкус к настоящему исследованию. Вот, например, в американском учебнике «Искусство убеждать» имеется ряд методов, технических приемов, которые используются для манипулирования другими людьми. Там приводится, например, метод «горячей картошки», который учит тому, как нужно дискредитировать кого-либо из людей на публике, что нужно сделать, чтобы человек выглядел глупо в глазах окружающих. Вы должны все это учитывать.

А теперь я готов ответить на другие вопросы.

Забывшие имена отечественной социологии

Ю.М.: Спасибо. Владимир Павлович! Пока Вы не ответили на вопрос о месте российской социологии в мировой науке.

В.П.: Ну я немножко уже рассуждал на эту тему. У нас были свои научные заделы и имена. До сих пор в мире вспоминают П.А. Сорокина, знают А.А. Чупрова, которого мы, к сожалению, не знаем. Вот я вам задаю вопрос из истории социологии: «Кем был Александр Александрович Чупров? Кем был Александр Иванович Чупров». И кто мне ответит на этот вопрос среди присутствующих?

В 1974 г. мы с известным немецко-американским социологом Паулом Лазерсвельдом дегустируем традиционный напиток в одном из американских университетов. Это водка. Ну вот, я рассказываю ему, какой он у нас классик, как его все любят и ценят и т.д. А он мне говорит: «Милый мой, так что же я такого сделал? Я всего лишь взял методы вашего Александра Александровича Чупрова и применил их. Я ничего нового не изобрел». Он, конечно, немного рисовался. И все же в этом есть доля правды. Потому что Чупров использовал свои методы преимущественно в

экономике, но так как они были на стыке с социальными проблемами, то их легко было применить в социологии.

Я недавно был в Тель-Авиве и спросил у коллег: а знаете ли социальную мысль России? А они мне так и не смогли ничего ответить, но Чупрова все вспоминали. Был еще один из основателей Института социологии Отеев Александр Иванович, который создавал кафедру социальной статистики. Оказывается, на Западе многое используется в социальных науках из того, что было создано нашими мыслителями.

Назову вам еще три имени.

Джордж Гурвич, он же Георгий Давыдович Гурвич – выдающийся французский социолог, создатель первого института социологии в Сорбонском университете, а также создатель советской власти на Украине.

Другое имя – Лев Ильич Мечников, выдающийся социогеограф, который приговоривался к смертной казне, но мировая общественность его спасла. Мечников был основателем первой социологической кафедры в Токийском университете. Его пригласили прочитать лекции по теории социогеографии. Ему там понравилось, и он четыре года проработал в Токио, заложил основы японской социологии. Лев Ильич Мечников – родной брат Ильи Ильича Мечникова, нобелевского лауреата по микробиологии.

Стоит ли вспоминать имя Питирима Александровича Сорокина, создателя социологического факультета самого престижного американского университета в Гарварде.

Вот эти люди внесли свой вклад в развитие мировой социологии.

Ю.М.: Владимир Павлович! У Вас получается так, что почти все представители мировой социологии вышли из России?

В.П.: Не все, конечно, но значительная часть. Вот я, готовясь к последнему конгрессу международного института социологии, посмотрел, кто был делегатами первого мирового социологического конгресса, который проходил в Сорбонне. Там было восемь человек от Франции, по семь человек из России и Германии, а остальные страны были представлены меньшим числом участников. Причем в этой организации только в первые 30-40 лет существования трое наших соотечественников возглавляли международное социологическое сообщество. Первым президентом был Павел Федорович Ленинберг, о котором мы практически ничего не знаем. А ведь он был генерал-губернатором Курляндии и закончил свою карьеру в должности вице-губернатора Петербурга. Еще одним президентом стал Максим Максимович Ковалевский, который на этом посту в 1916 г. умер. Уже в советское время на пост президента избрали Николая Николаевича Кареева и не только в знак огромного интереса западной общественности к социальным преобразованиям в России, но и как признание заслуг наших отечественных социологов. В 1918 г. он возглавил международное социологическое собрание. И таких примеров много. Нужно только посмотреть архивы и материалы международных социологических форумов.

Ю.М.: Владимир Николаевич! Вот Вы все время говорите, что у нас был тот или иной социолог. А кто у нас есть сегодня?

В.П.: На этот счет я уже высказывался. По частностям у нас имеется много хороших специалистов. Отдельные области социологии и социальной науки у нас разработаны вполне на мировом уровне, но нам пора переходить от этих теорий среднего уровня к построению общей теории. Вот я очень рад, что появился учебник Юрия Михайловича Резника «Введение в социальную теорию». Я ему желаю больших творческих успехов, но, надеюсь, что, изучив его книжку, вы, уважаемые студенты, пой-

дете дальше и предложите свои оригинальные проекты, соответствующие неожиданным и интересным процессам, которые происходят в современном обществе.

Ю.М.: *Владимир Павлович! Что Вы хотели бы еще пожелать нашему студенческому научному клубу?*

В.П.: Я бы хотел им пожелать то, что пережил в молодости сам. Вот, например, в Одесском университете, меня вообще тянуло во всякие студенческие кружки. У меня был друг, Ромеро Восяковский, который был у нас секретарем комитета комсомола факультета иностранных языков. Он создал клуб творческого марксизма. Но тогда мы с улыбками смотрели на это дело, хотя все что-то искали и предлагали.

Я помню также прекрасные времена, когда Политехнической музей был центром интеллектуальной жизни в городе. Там проводились интереснейшие лекции, в том числе по социальным проблемам, проходили вечера поэзии, когда ночь напролет читали стихи. На них было трудно попасть. А потом в Политехническом музее нас перестали принимать, так как там звучала острая социальная тематика. Мы выбрали тогда место у памятника Маяковскому. И там ночь напролет читали стихи и обсуждали волновавшие нас вопросы. И это было очень важно для нас. В такой атмосфере всегда рождается что-то интересное.

Так что я приветствую ваше начинание. Конечно, в силу своего возраста мне кажется, что мы жили богаче, потому что у нас были разнообразные интересы. У нас чего только не было, каких только обществ и организаций. И спортом мы занимались. Очень ценны в вузе вот такие сообщества. И я думаю, что, начав с написания реферата, вы потом сами определитесь, что вам интересно в русле научных исследований института. Сегодня есть очень много возможностей.

Но что может ваш клуб, к чему вы можете прийти? Сейчас для вас создаются уникальные условия. Ведь Юрий Михайлович уже не «проходной» по меркам Запада в силу возраста. Поэтому на вас вся надежда. Там масса грандов, поездок, семинаров и школ, которыми вы сможете воспользоваться. Просто нужно поступать так, как учил Тарас Григорьевич Шевченко: «Чужого ловчайся, своего не чурайся». И надо учиться тому, что там есть хорошего, доброго, умного и глубокого. Просто своего не нужно забывать, не терять своих корней, связей и традиций. Я думаю, что начнете с реферата, а как только появится у вас вкус, можно переходить к освоению других интересных тем. Следите за Интернетом. Там постоянно появляются какие-то новые предложения для студентов и аспирантов (гранты, проекты и пр.). Используйте их возможности и езжайте.

Надо стремиться стать ученым мирового уровня, не забывая о том, что ваша колыбель — Россия. С Россией вместе вы быстрее вырастите. Нам надо строить свою жизнь так, чтобы в погоне за копейками не превратиться в людей типа Горбачева. Вы видели лицо Горбачева на праздновании 100-летия кино? Он предал свою страну и, по-моему, сам себя последним подонком чувствует.

Но Горбачев — это пример бездарного политика, а вам надо равняться на имя выдающегося ученого П.А. Сорокина. Оно ко многому нас обязывает. Но чтобы это заслужить, надо много работать. Пока побудьте без имени. Подумайте. Можно и в вашем возрасте дерзать. Вот, скажем, был Клуб Богданова-Малиновского. Он пытался начиная с 22 лет объединить марксизм с западной теорией менеджмента. И это ему удалось отчасти сделать в 25-27 лет. Он взял все новейшие разработки западного менеджмента и создал три тома труда по организационной теории. Может, Богданов-Малиновский — это тот человек, который ближе всего стоял к тому, чем вы сейчас занимаетесь. Я имею в

виду социальную инженерию. Ведь вы находитесь у истоков замечательного эксперимента под названием «Институт социальной инженерии». Его концепцию предложил весной 1998 г. Юрий Михайлович Резник. Мы ее поддержали, и вот сегодня, спустя полтора года, вы находитесь в стенах этого института, в котором реализуется уникальная программа образования, соединяющая в себе достижения мировой социальной науки, в т.ч. социологии, социальной антропологии и социальной психологии. Именно на этих трех китах, как считает Юрий Михайлович, строится социальная инженерия.

Ю.М.: Владимир Павлович! Именем кого из классиков мировой социальной науки можно было бы назвать наш студенческий научный клуб?

В.П.: Мне нравится то, что в вашем институте чрезвычайно высок интерес к классике мировой науки. Импонирует, в частности, ваше внимание к научному наследию П.А. Сорокина. Но вы в своем обожании Сорокина вовсе не одиноки. Его именем названы научно-образовательные организации – Сыктывкарский университет имени Питирима Сорокина, общество Сорокина-Кондратьева, масса других организаций и изданий, связанных с его именем. И вы здесь не оригинальны, следуя моде. А вот попробуйте найти другое лицо.

К примеру, Богданов-Малиновский – интересный, кстати, человек. В 1899 г. Ленин критиковал его за несоответствие философских взглядов партийным установкам, за что его исключили из партии. Когда в 1917 г. произошла революция, Ленин вспомнил о нем и приглашал вернуться в страну, стать министром. Но это был человек твердых интеллектуальных и моральных принципов. Он ответил отказом и сказал, что как мы разошлись с вами, так и останемся стоять на своих позициях. Но поскольку он был еще и медиком, то попросил Ленина помочь ему в создании института по переливанию крови. Он стал первым ученым в советской России, занявшимся проблемой переливания крови и достигшим на этом поприще серьезных практических результатов.

Надо отметить, что этот выдающийся человек смог совмещать обязанности директора института и занятия проблематикой менеджмента и социологии. Как ученый он был кумиром отечественной молодежи, особенно интеллектуальной и научной. Я советую вам обратиться к его наследию и поддержать направление, которое он разрабатывал на протяжении многих лет. Тем самым вы вернете в отечественную науку одно из забытых имен и очень ценную и интересную личность.

Ю.М.: Владимир Павлович! Ведь мы со студентами выбирали не лицо, а научные идеи, которые бы выражали направленность научных исследований в нашем институте. А научные идеи Питирима Александровича Сорокина нам больше импонируют. Это – идеи методологического интегрализма, интегральной социальной теории и социологии. Но это не исключает вовсе возможность создания клуба имени Богданова, если найдутся желающие.

В.П.: Ну пока не надо распыляться. Мне, кажется, действительно есть определенный аванс в плане названия нашего клуба. Мы еще должны оправдать это высокое имя, и в этой связи было бы уместно познакомиться для начала с биографией Питирима Александровича Сорокина, которая уже опубликована. Давайте в следующий раз проведем круглый стол, сделаем выступления. Творческий путь Питирима Александровича Сорокина невероятно интересен.

О социальной антропологии и ее месте в социальной науке

Ю.М.: Пожалуйста, уважаемые коллеги, задавайте еще вопросы к Владимиру Павловичу. Может, кто-нибудь хочет высказаться, поразмыслить по поводу того, что

он сказал. На самом деле, хотя здесь чаще говорится о социологии, Владимир Павлович всерьез занимается историей социальной антропологии. Что Вы можете сказать, Владимир Павлович, о настоящем и будущем социальной антропологии как науки? Этим интересуются некоторые из присутствующих здесь студентов и преподавателей.

В.П.: Да, это очень важный и интересный вопрос. Вы знаете, я хочу сразу же отделить социальную потребность и социальную науку, с одной стороны, и область научного знания и институт науки — с другой. Это разные вещи, которые необходимо учитывать при определении места любой научной дисциплины в системе знания.

Сегодня у нас есть большая потребность в изучении человеческого фактора общественного развития, но не хватает социально-антропологических знаний и специалистов. Это видно невооруженным взглядом. Но, к сожалению, эта область еще пока недостаточно институализирована, не выросла она в систему гуманитарного образования. Мне кажется, что институционализация науки должна идти через практику. И для решения социальных вопросов нужно обращаться, прежде всего, к сфере производства и технологий. Еще раз подчеркиваю, это, несомненно, очень важная и необходимая область знания и практики, которая проявляется и в более серьезных вопросах (политических, религиозных, этнических и пр.).

И без антрополога в решении этих вопросов никак не обойдешься. Потому что кто как не он может знать эти детали, учесть их влияние во всей совокупности социальных и технологических проблем. Так что потребность в такого рода специалистах имеется огромная.

Причины отсутствия таких специалистов у нас имеют в основном идеологические корни. Как известно, в советские времена и социология не признавалась. С момента, когда был впервые поставлен вопрос о том, нужна ли нам социология, прошло немало времени. Как известно, в 1956 г. вместе с идеями XX съезда партии, развенчания культа личности, начала складываться благоприятная обстановка и для развития социальных наук. Однако окончательно все запреты и ограничения были сняты только в 1989 г., когда социология была институционализирована в образовательном пространстве. Примерно в конце 1980-х гг. ее признали как самостоятельную науку, которая имеет свой теоретический уровень.

Таким образом, с момента постановки вопроса о статусе социологии до момента ее институционализации прошло свыше 30 лет. Наверное, такой же путь должна пройти и социальная антропология. Но она пройдет его тем быстрее, чем ярче и неожиданнее, эффективнее и оригинальнее будет ее практическое применение. Даже одно интересное исследование и его практическое применение может дать больше, чем многие тома, книги и т.д. Я думаю, что антропология обязательно пробьется и найдет свое место, если она будет способствовать приращению новых знаний, получению данных, которые смогут взбудоражить общественное мнение и показать с неожиданной стороны важность этой науки. То, что будущее у этой науки огромное, я нисколько не сомневаюсь.

О научном призвании

Ю.М.: Владимир Павлович! Но стоит ли ждать еще 20-30 лет, пока антропология получит свое институциональное воплощение? Наверное, нет. Собственно к этому Вы нас и призываете. Вот тут еще мне прислали вопрос о том, чем Вы еще занимаетесь, кроме того, что рецензируете книгу Юрия Михайловича? Вопрос, конечно, не очень корректный, но он поступил. Будете отвечать?

В.П.: Что я делаю в науке, делаю кроме рецензий? Ха-ха. Очень хороший вопрос. Попытаюсь дать ответ. Отчасти для того, чтобы себя прокормить, а отчасти оттого что это для меня очень важно и интересно – примерно с 1990 по 1996 г. я проводил исследования в области социальной политики, причем с учетом опыта международных сравнительных исследований. В это же время я был экспертом Совета Европы по широкомасштабному исследованию «Как школьники приобщаются к наркотикам, к спиртному в разных странах Европы, в разных ситуациях?».

Это был этап, когда мои публикации являлись результатом систематических научных исследований. К сожалению, сборники вышли за рубежом, у нас они появились в малоформатном виде, небольшими тиражами. Вот мне не хватает сегодня теоретического осмысления процессов в мире и обществе в целом. Кто только для России свои теории не изобретает, а я считаю, что это очень опасно. Нельзя изобретать свой очень обособленный от мира образ жизни. Это опасно и ничего хорошего не даст. И поэтому меня во второй половине 1990-х больше волнуют вопросы теории, и я к ним отношусь очень серьезно через осмысление мирового опыта.

В настоящее время у меня вышла целая серия статей по новейшим концепциям в современной социальной теории, в т.ч. статьи, посвященные теории социального обмена, теории справедливости и др. Прежде чем высказаться самому, я хочу вначале представить всю картину мировой науки.

Мне кажется, что сегодня западнический подход в отечественной науке выдыхается. Его представители не столько собираются преобразовывать действительность, сколько ее подлатывать и подтягивать, так сказать, под свои теории, до некоторых образцов. Если теория не стыкуется с практикой, то тем хуже для практики.

Вот я считаю, что одно из хороших дел, которое мне удалось сделать за последнее время, – это 80 печатных листов учебного пособия «История социологии в Западной Европе и США», которому предшествовал выход нескольких выпусков моих брошюр. Это мое детище, мое дело, хотя там указан ответственный редактор академик Осипов Геннадий Васильевич. Сразу скажу, что он помог мне тем, что подписал эту книгу и не мешал работать над ней. Сейчас, я надеюсь, что в 2000-2001 гг. в издательстве «Наука» выйдет моя собственная книга – «Классическая социология». Это примерно на 40 печатных листов. Вы, наверное, видели отдельные мои книжки по классической французской, классической немецкой, раннебританской, раннеитальянской, российской и американской социологии. Я хочу их свести в единый том, показать общее наследие теоретическое социологии, то, что нам дали отцы-основатели.

И еще я написал учебник по общей социологии, но пока ишу издателя. Там я рассматриваю актуальные социальные проблемы через единство истории, настоящего и перспектив возможного развития. Я подготовил и хрестоматию к нему. Вот когда я освобожусь от текущих обязанностей, сделаю то, что планировал. И думаю, что тогда вполне смогу конкурировать с Юрием Михайловичем в области разработки социальной теории и попытаюсь выйти на нерешенные проблемы, найти нетривиальные подходы к их решению.

Ю.М.: *Вот, я хочу дополнить то, что было сказано, и перечислить проблемы, которыми Вы занимаетесь. Это – проблемы молодежи, образа жизни, социальных конфликтов, регионального развития и др. Их результаты изложены в Ваших монографиях «Молодежь и политика» (на английском языке), «Уровень и образ жизни в регионах», «Центральная Азия: Экономика. Политика. Перспективы». И, как я уже сказал, Вла-*

димир Павлович — автор многих учебно-методических пособий и лекций по истории социологии. Сколько всего вышло выпусков у Вас?

В.П.: Шесть выпусков.

Ю.М.: *Некоторые выпуски имеются у нас в библиотеке, но, к сожалению, не все. В любом случае я буду очень рад получить от Вас поддержку в формировании библиотеки по истории социальной мысли. Ведь сейчас ее, действительно, нам не хватает.*

И еще один вопрос от студентов. Вы говорили, что проводили эмпирические исследования в регионах по вопросу распространения наркотиков в среде молодежи. Вас спрашивают, как, при помощи каких методов Вы проводили эти исследования? И какие результаты получили?

В.П.: Что касается методов, то это было анкетирование. Мы сначала полтора года разрабатывали программу и методику исследования. За единицу выборки брался один класс. Исследование проводилось на европейской части России, мы не трогали Сибирь и Дальний Восток. На европейской части мы выбрали 18 регионов и в них методом случайной выборки набрали необходимое число классов. В классах проводили анонимное анкетирование в конвертах, без участия преподавателей. Социологи собирали и увозили материалы сразу. Там были вопросы прямые, косвенные и контрольные. На эту тему я готов прочитать целую лекцию. Ну, в общем, там достаточно надежные данные были получены. Какую картину мы получили в 1995 г.? На тот момент, мы были абсолютными лидерами по употреблению алкоголя среди молодых людей.

Но на тот момент наркомания еще не стала столь массовым явлением, как в развитых западных странах. В то время у нас больше всего были распространены (14-15 лет) слабые наркотики, в основном в престижных вузах Питера и Москвы. По нашим данным, треть ребят в этом возрасте обязательно пробовали что-нибудь. Тяжелые наркотики мы обнаружили только в школах, где учились дети военнослужащих, перемещенных из Прибалтики и Германии. Они после цивилизованной европейской жизни попали в голое поле, да еще с хамским к себе отношением. Там у нас и героин находили, и экстази, вообще, какие-то страшные вещи творились. Кстати сказать, наше исследование подтвердило официальные цифры.

Ю.М.: *Спасибо. Владимир Павлович! Почему Вы не приветствуете разработку социальной теории для одной страны? И не надоело ли Вам излагать чужие концепции, цитировать их бесконечно? Не возникает ли у Вас желания создать что-либо свое?*

В.П.: Так, почему я считаю, что путь развития социальной теории для отдельно взятой страны не конструктивен? Потому что человечество — это некий единый организм, и особенно сегодня, когда полным ходом идут процессы глобализации, как бы мы с вами к ним ни относились.

Глобализация — это реальный факт, а мы действительно — единое общество, которое никак нельзя разъединить. Если американцы и могли себя чувствовать когда-то отдельной планетой, то сегодня это время прошло. Мы все сегодня очень близко и тесно связаны. Есть специфика, ее нужно изучать, но не надо забывать, что нет ни одной страны, которая живет в отрыве. Может быть, единственные люди, которые в отрыве от мирового процесса, — это йети, снежные люди. Вполне возможно, что они есть. А может, все это мифы и легенды. Вот они в мировую систему не входят. Все остальное, хотим мы этого или нет, входят в единую мировую систему. Она противоречива, несправедлива, какая угодно, но она все же есть. Поэтому изобрести что-

то самим и так, чтобы нас никто не трогал, невозможно. Поэтому надо все знать заранее, чтобы упредить, понять и просчитать возможные последствия. Мы и другой мир, как это соединяется.

И вторая часть вашего вопроса: не надоело ли мне читать и не пора ли мне что-нибудь свое изобрести. Вы знаете, чем я больше читаю, чем больше узнаю современных теоретиков, тем больше восхищаюсь, какие умные люди, как много было до меня придумано, а потом забыто, не использовано. Я с огромной осторожностью отношусь ко всему новому. И не потому, что я консерватор. Ведь для того, чтобы сказать что-то новое, нужно хорошо освоить то, что было создано до тебя. Когда это просто крик души, то ты можешь оказаться халифом на один час, в лучшем случае. Можно, конечно, на какое-то время произвести эффект, но этого хватит ненадолго, если не будет преемственности со всей наработанной культурой.

Вот есть люди, которым нравится заострять проблему, не копая глубоко, а вот я в этом отношении, наверное, неправильный человек, так как люблю докапываться до самых оснований. Прежде всего меня волнует доказуемость и обоснованность того, что я пишу или хочу сказать. А до этого нужно знать, что же до тебя и без тебя сделали.

Прежде чем перейти к теоретическим обобщениям, я когда-то с упоением занимался конкретными исследованиями. Такой была для меня молодежная проблематика. Это — целый мир. Потом мне показалось этого мало, и я занялся изучением социальной сферы и социальной политики. А теперь мне кажется, что и этого мало, что отдельные очень важные и нужные вопросы не решаются без осознания всего комплекса анализируемых процессов. А для этого необходимо знать теорию.

Ю.М.: Я считаю, у Владимира Павловича есть еще одно достоинство как исследователя: он с огромным уважением относится к традициям в науке. Сейчас не так много ученых в России и Москве в частности, которые бы имели такой опыт взаимодействия с классиками и с первоисточниками. К сожалению, сегодня очень многие пишут, в том числе и от себя, но научных традиций не знают. На мой взгляд, наука — это, прежде всего, преемственность, а обеспечение преемственности — главная миссия научного сообщества. Знание традиций и их развитие — основные условия исследовательской работы.

В этой связи, Владимир Павлович, у меня возник вопрос: что Вас подпитывает в жизни? Что дает Вам энергию и силы? У многих людей — это счастливое детство. Оттуда, вернее, из воспоминаний о нем они черпают силы, получают вдохновение. У других — это хорошая и стабильная семья, у третьих — любовь к женщине, у четвертых — что-то еще. Что Вас подпитывает в это нелегкое время? Ведь Вы, как никто, самоотверженно трудитесь. Вы для меня — неутомимый труженик науки!

В.П.: Слушая Вас, я ощущаю, что у меня начинает что-то расти в области лопаток. Коллеги, дорогие! Наверное, трудно что-то одно назвать и сказать, что это и есть самое главное. Просто я попытаюсь перечислить то, что делает мою жизнь радостней и полнокровней.

Во-первых, так случалось в моей жизни, что на моем пути встречались добрые и умные люди, которые помогали бескорыстно, с доброй душой, открывали мне новые горизонты. Я с благодарностью вспоминаю своих учителей. И я перед ними чувствую себя в долгу. Я должен сделать то же самое по отношению к талантливым молодым людям.

Во-вторых, я жил в достаточно драматичное, но приятное время. Психологическое и личностное ощущение было прекрасное. Тогда мы были на подъеме, станови-

лись демократическим обществом, великой державой мира. И с нами все хотели дружить. Нас уважали не только из-за нашей силы, но и за ту правоту, которая за нами стояла. Мне очень хочется, чтобы это достойное место и облик нашей страны, который я помню, были воссозданы и переданы следующим поколениям. Это меня вдохновляет.

В-третьих, меня очень вдохновляет студенческая аудитория. Это — одна из главных моих радостей. Например, на физическом факультете МГУ, где я читаю курс по выбору «История социологии», ко мне приходит много студентов. Там восемь кафедр соревнуются между собой за выбор студентов. Обычно на мое первое занятие приходят традиционно 15-20 человек, на второе — 40, а на третьем занятии нам уже не хватает аудитории на 80 человек. Ребята тянутся из-за интереса к тому, о чем идет речь. Мне в них нравится то, что они тренированные в интеллектуальном плане ребята. Занятия математикой и физикой дают хорошую гимнастику для их ума. И они весьма неожиданно сопоставляют то, что я им даю, и то, что они уже знают от других преподавателей, пытаюсь при этом сопоставлять, строить какие-то гипотезы. У нас так с ними построена работа: одну пару я читаю им лекцию, а вторую — остается тот, кто хочет. Приходят 80 человек, а остается всего 5-7, максимум — 10. И мы там обсуждаем их идеи. Причем я им разрешаю сразу говорить, если они видят в моей лекции какие-то нестыковки и т.д. И мне очень нравится то, как люди, занятые своим профессиональным трудом, тянутся к социологии. Вот в этом году один из физиков, который окончил с красным дипломом физический факультет, поступил ко мне в аспирантуру на кафедру социологии управления в МГУ. И мы будем сейчас делать с ним диссертацию по социологии. То, что в нашу науку приходят физики и математики, мне очень нравится. И это еще одна подпитка для меня.

Ю.М.: *Спасибо. Владимир Павлович! Кого бы Вы назвали своим лучшим учеником?*

В.П.: Не знаю, я не могу так выделить. У меня много интересных учеников, и я их каждого люблю по-своему. Поэтому мне трудно кого-то из них выбрать.

Вот, скажем, моя первая аспирантка, Татьяна Степанова, является сейчас ректором Международной школы бизнеса и финансов и президентом российского отделения Международной ассоциации «Женщины-предприниматели». Один из моих первых учеников сейчас работает заместителем декана Пятигорского лингвистического университета. Моя ученица стала руководителем центра по адаптации в Берлине.

Среди моих учеников есть один человек, который попал в Книгу рекордов Гиннеса. Это Андрей Кузнецов, который сейчас в Саратове работает проректором Юридического института МВД. Он в 29 лет защитил докторскую по социологии, а в 30 стал профессором. Я им очень горжусь. Он мне близок своими личностными качествами: работоспособностью, вдумчивостью, дотошностью и глубиной.

Есть еще один ученик, Игорь Владимирович Образцов — человек, который служил в армии и случайно попал на одну из научных конференций, сделал там интереснейший доклад, а я его поддержал. И затем он подготовил прекрасную кандидатскую диссертацию по Николаю Николаевичу Головину, создателю военной социологии и самому молодому начальнику Академии Генштаба до революции. Все его архивы находятся в Стэнфордском университете. Кстати, Стэнфорд прислал нам совершенно бесплатно больше 400 страниц из архива Головина. Сейчас И.В. Образцов защитил блестящую диссертацию в Академии Генштаба по социологическому

обеспечению стратегической деятельности Вооруженных Сил России и оставлен при Академии. Я очень этим горжусь.

Этих людей я хотел бы выделить в первую очередь, хотя у меня есть и другие ребята, которыми я горжусь.

О политическом выборе и ответственности

Ю.М.: *Задавайте вопросы, уважаемые коллеги? Вот еще один вопрос от студентов. Владимир Павлович! Вас просят высказаться насчет состояния сегодняшней прессы. Неужели вся наша пресса, спрашивают студенты, такая лживая и ненадежная? Разве не существует сейчас ни одной газеты, в которой есть хотя бы немного правды?*

В.П.: Понимаете, что самое страшное. Не откровенная ложь, а полуправда. Почему? Вроде бы, хоть какая-то правда есть. Эти факты поданы так, что дают совершенно ложную информацию. Поэтому я боюсь больше всего полуправды, которая вроде бы привязана к конкретным вещам, но искажает истинные тенденции и подлинные процессы.

Ю.М.: *А заграничные газеты разве дают полную правду?*

В.П.: Это особый разговор. Там ситуация несколько иная. В связи с этим я вспомнил один случай. Будучи когда-то директором выставки «Советская молодежь» в ФРГ, я проводил многочисленные беседы, дискуссии и конференции. На одном из форумов у меня возник спор с молодым человеком, который утверждал, что он прочитал в газете «Франкфуртер альгемайне» некую негативную информацию и склонен верить ей, так как эта газета в отличие от «Вельт» и «Штудгарцайтер» объективно преподносит информацию. Так что некоторые издания за рубежом умеют создать себе репутацию и оказывать влияние на своих читателей.

А вот наша пресса очень далека и от правдивого преподнесения фактов, и от их верной интерпретации, и от наличия собственной позиции. Даже «Независимая газета» часто прибегает к искажению фактов. Левая пресса тоже грешит плоскими интерпретациями и излишними эмоциями. Гнев — хорошая вещь, когда нужно поднять кого-то на священную борьбу, но для решения сложных вопросов нужно конструктивное и многоплановое мышление. Я понимаю и разделяю их чувства, но мне не нравятся примитивность их оценок и интерпретаций.

Такова общественно-политическая ситуация. После 1991 г. какой-то «мудрый менеджер» создал у нас политическую картину страны. Он сохранил КПРФ как своеобразный громоотвод, заботясь о чувствах многих ее поклонников. К сожалению, конструктивных изменений, которые очень нужны, не случилось, даже на каком-нибудь отдельном участке. Одни политики очень крикливы, горячи, может, они и честные люди, но в эмоциях погрязли; другие политики, может быть, даже умные, но совершенно бездеятельные, им не хватает творческого потенциала.

Ю.М.: *Владимир Павлович! Вы — очень принципиальный человек, и хотелось бы знать, за кого Вы будете голосовать на предстоящих выборах, если это, конечно, не секрет. Каковы Ваши критерии политического выбора?*

В.П.: Помните, недавно праздновали 100-летие ученого, одного из создателей атомной бомбы. Сорокин его спросил: «А верите ли вы в Бога? Вы верующий человек или нет?» На что он ответил: «Никогда не задавайте этот вопрос, никогда и никому. Это настолько личная тема, и никто вам все равно правду не скажет». Я, честно говоря, для себя еще не решил, но мне главное, чтобы не было хуже, понимаете.

Вот сегодня мой главный критерий – чтобы не было хуже. Чтобы это не навредило России. И мой политический выбор связан с этим. Это самое главное.

Ю.М.: *А Вы верите, что Ваш выбор вообще что-то может решить?*

В.П.: Ну это уже цинизм, конечно. Если мы вот так не будем верить, зачем тогда всем этим заниматься. Тогда надо брать автомат и по-другому решать вопросы.

Ю.М.: *Извините, но в последнее время меня трудно убедить в реальности политического выбора рядовых граждан. У меня остался к Вам еще один вопрос. Насколько Россия в последнее столетие смогла укрепить свое положение в мире? И может ли сегодняшняя Россия влиять на мировой процесс?*

В.П.: Серьезный очень вопрос. Сегодня я Россию представляю гигантом, опутанным по ногам и рукам. Кто-то хочет, чтобы этот гигант захирел, но надеюсь, что Россия не уподобится Илье Муромцу и не будет 33 года сидеть на печке без дела. Может быть, наш Илья Муромец немного раньше проснется. У нас ведь есть огромный потенциал, что меня больше всего волнует. Нельзя погрязнуть в мелких проблемах, уйти с головой в национализм или регионализм. У нас как народа великая и широкая душа. И надо всеми силами стараться сохранить добрый и конструктивный дух нации.

Ю.М.: *Спасибо всем и в первую очередь Владимиру Павловичу, который нашел время и желание поделиться с нами своими мыслями.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М., Култыгин В.П. О чем он мечтал (интервью) // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып. 2 (63-64). С. 277-288.